

Е.Е. Евграшкина

Самарский государственный университет

**«СОВРАЩЕННЫЙ» ДИСКУРС: О СУЩНОСТИ ПРОЦЕССА
НЕОГРАНИЧЕННОГО СЕМИОЗИСА И СМЫСЛОВОЙ ЭНТРОПИИ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

E.E. Evgrashkina

Staatliche Universität Samara

**„VERFÜHRTER“ DISKURS: ÜBER DAS WESEN DES PROZESSES
UNBEGRENZTER SEMIOSE UND SEMANTISCHER ENTROPIE
IM POETISCHEN DISKURS**

*Im Beitrag wird das Problem des Prozesses unbegrenzter Semi-
ose und semantischer Entropie im Bezug auf den poetischen
Diskurs behandelt, indem man komplizierte Verhältnisse unter
Signifikanten und Signifikaten als ein wesentliches Merkmal des
poetischen Textes betrachtet und Problem der Interpretation im
poetischen Diskurs untersucht.*

читай сквозь другое, не слишком сверху, но
одновременные конфликтные перегруженные
присутствия, для которых

даже

палимпсест слишком структурированная книга.

Трехмерная

страница, пространство страницы или страна,

пространство представления, присоеди-
нение представления...

Собираю все воедино из-за нахождения в нем.

все же

я получаю его силу, внутри.

Р.Б. ДюПлесси. Черновик 4: внутри

Постановка проблемы о сущности поэзии с точки зрения основной функции языка как знаковой системы (референтивной – денотативной, когнитивной, по Р. Якобсону) неизбежно приводит к вопросу об избыточности и резкому снижению информативности в поэтическом тексте [1]. Подчинение синтагматического ряда означающих дополнительным формальным требованиям и ориентация поэтического дискурса на сообщение как таковое, т. е. на реализацию поэтической функции языка [2], требуют пересмотра традиционного знакового баланса означающего и означаемого в поэтическом дискурсе в контексте усложненной ситуации декодирования текста (художественный язык в целом основывается на создании вторичных языковых систем, базирующихся на знаках естественного языка и относительно замкнутых – своеобразным «мерилом» подобной автономности будет степень подключенности каждого конкретного текста к другим современным ему текстам и пред-текстам – так или иначе, декодирование современного художественного сообщения сопряжено со сложностью подбора «ключа» к данной знаковой системе, поскольку, возможно, искать придется в целой связке).

Моделирование вторичных знаковых систем в поэтическом дискурсе смещает акцент с внутреннего (символического) типа отношений в знаке (соединение означающего с означаемым, в основном заданное в первичной языковой системе) на два типа внешних отношений – парадигматический (отношение знака к определенному множеству других знаков) и синтагматический (присоединение знака к другим знакам в речевой цепи). Стоит отметить, что какое-либо нарушение в символическом типе отношений (с точки зрения языка) обусловлено в поэтическом дискурсе именно заданностью парадигматических и синтагматических особенностей каждой конкретной вторичной знаковой системы.

С преобладанием того или иного типа знаковых отношений Р. Барт связывает определенный вид творчества. Так, примером символического (глубинного) творчества может стать биография или историческая критика, реалистический роман, парадигматического (формального) – произведения, эстетика которых требует игры определенных комбинаций, вариации рекуррентных элементов (такую знаковую специфику имеют онирические повествования, сон в данном контексте также предстает неким парадигматическим про-

дуктом деятельности головного мозга). И, наконец, синтагматическое (функциональное) творчество выводит на первый план монтаж дискретных и подвижных элементов – как, например, в поэзии или додекафонической музыке [3, с. 246–252].

Иными словами, поэтический текст строится на бесконечных комбинаторных вариациях означающих, и классическое интерпретативное движение от формы к содержанию, смыслу (значению) произведения, от «явного» к «скрытому», в поэтическом дискурсе концентрируется в первую очередь на участии в игре «явного», на синтагматике (и парадигматике) вторичной знаковой системы; проблема смыслопорождения в поэтическом дискурсе приобретает особый статус, поскольку в процессе образования новых, неожиданных с точки зрения логики отношений «знак-денотат», комбинаций означающих, ослабевает и «мутирует» связь плана выражения с планом содержания, что приводит к самым разным неожиданным открытиям в процессе выстраивания мета-дискурса, т. е. выстраивания системы возможных объяснений данного текста.

Чем более ослаблены отношения означающего с означаемым с точки зрения знака естественного языка, чем сильнее творческое сознание намеренно разрушает связи между этими сторонами знака, смещая центр тяжести на интерпретанту, тем более сложной представляется интерпретация данного текста как главное звено дискурсивных процессов. Являясь центром и главным условием существования художественной (поэтической) коммуникации, лирический текст выступает в качестве носителя разнообразных текстовых стратегий, развертываемых в процессе интерпретации до определенных смысловых линий. Поэзия с точки зрения особого знакового творчества основывается на процессе неограниченного семиозиса, современная же поэзия зачастую становится своеобразной манифестацией данного процесса, его возможностей.

В своей книге «Соблазн» Ж. Бодрийяр говорит о некоем «совращенном» дискурсе, особенностью которого является вращение составляющих знака и постоянная подмена одних знаков другими, т. е. о дискурсе, в основе которого, судя по всему, лежит процесс неограниченного семиозиса. Мы уже говорили о том, что поэтический текст представляет собой набор знаковых предпосылок, ведущих к той или иной интерпретации, т. е. мы сталкиваемся с «явным» в ви-

де определенного текста и первичного восприятия текстовых связей в процессе смыслопорождения и стремимся к познанию «скрытого», глубинного, того, что представляет собой идею, смысл данного текста. Ж. Бодрийяр говорит в связи с упомянутым явлением о двух типах дискурса, которые функционируют в сложной взаимосвязи, напоминающей связь текста с подтекстом: явный дискурс наделен статусом видимости, которая пронизана проступающим наружу смыслом, скрытый дискурс ведет явный дискурс к его истине, он вскрывает глубинную обусловленность / необусловленность произнесенного явно. Отсюда задачей истолкования становится устранение видимостей, разрушение игры явного дискурса, выявление смысла и восстановление связи со скрытым дискурсом [4, с. 105], скрытый дискурс как бы становится самоцелью любой интерпретации.

Смысловой дискурс как некая противоположность дискурса «совращенного» стремится положить конец видимостям, поскольку случайное вовлечение явного дискурса в игру означающих способно препятствовать установлению четких связей со скрытым дискурсом, что в обычной ситуации общения может стать причиной непонимания или даже нежелательного интерпретативного поворота: восстановление смысла, обмен смыслами станут недостижимой целью в условиях неудавшейся коммуникации. «Магическая сила» поэтического дискурса состоит в подлинно сейсмической динамичности внешних текстовых структур, представленных, прежде всего, изощренными комбинациями означающих (с известной ролью интерпретанты в моделировании их отношений с определенными означаемыми), а следовательно, в максимальной интерактивности процесса смыслопорождения.

«Совращенный» дискурс, по Ж. Бодрийяру, в своем «поверхностном» аспекте «обращается на глубинный распорядок, чтоб аннулировать его, подменив чарами и ловушками видимостей – обольстить сами знаки оказывается важнее, чем дать проступить наружу какой-то там истине...» [4, с. 106]. Существо соблазна, обольщения (в самом широком смысле) состоит в том, что смыслом наделяются жесты (знаки), которые такового не имели; соблазн сплетает целую сеть из знаков, которые пропадают. Знак может отклоняться от своего смысла, «совращаться», лишь такие совращенные знаки соблазнительны; по Ж. Бодрийяру, «затягивают и поглощают нас только

знаки пустые, бессмысленные, абсурдные, эллиптические, лишенные какой-либо референции», незначащее означающее, бессмыслица в роли означающего обладает поистине магической силой [4, с. 139]; этим и объясняется притягательность поэтического текста для читателя-игрока: имея свои корни в ритуальном действии, поэзия стремится к максимальной эзотеричности, она культивирует таинственное и непостижимое.

«Совращенный» дискурс, таким образом, ставит под сомнение необходимость интерпретации знака, либо, по крайней мере, имеющееся представление о содержании и целях интерпретации: истолкование отбрасывает или разрушает игру явного в своих поисках скрытого смысла, оно крайняя противоположность оболщания, и вот почему истолковательный дискурс менее всего соблазнителен. Ж. Бодрийяр предлагает следующий выход из создавшегося противоречия – желанием постичь, интерпретировать «совращенный» дискурс и невозможностью интерпретации как разрушающего, упрощающего механизма: «...если мы хотим найти то, что отклоняет дискурс, уводит в сторону, «совращает» в собственном смысле, соблазняет и делает соблазнительным – к чему далеко ходить, углубляться в какой-то *Hinterwelt* или бессознательное; причина заключена в самой его видимости, в поверхностном круговращении его знаков, беспорядочном и случайном либо же ритуальном и кропотливом, в его модуляциях, его нюансах: все это размывает концентрацию смысла, и соблазнительно именно это...» [4, с. 106].

«Соблазн» поэтического дискурса состоит в актуализации особых межзнаковых отношений, знаковой «визуализации» процесса семиозиса. По У. Эко, метафора, образующая основу поэзии, представляет собой «новое семантическое сочетание, не предусмотренное никакими правилами кода, но само создающее новые правила кодирования» [5, с. 120], так вот, в исследуемом нами дискурсе формирование нового (художественного) кода происходит уже на этапе комбинации (а не селекции) знаков языка, что и влечет за собой впоследствии смысловые «мутации» на содержательном уровне, поэтическое узнавание «всего во всем». Поэтический дискурс зачастую приковывает внимание к разнообразным формам этой комбинации, целью которой является реализация поэтической функции языка посредством знакотворчества, фиксация процесса неограниченно-

го семиозиса, без которого язык невозможно было бы себе представить. Соблазнительным представляется вовлечение в интерпретативную игру, поиск бесконечного в бесконечных семиотических вариациях.

«Совращенным» же в рамках данной статьи мы называем поэтический дискурс, поскольку релевантным для него становится уровень видимостей, упорядоченных по сложным законам знакового хаоса, застигнутого в процессе его становления космосом, «размытая концентрация смысла», по Ж. Бодрийяру, ведущая к неизбежной, более того, самоценной смысловой энтропии, тому самому «многому в малом», интуитивно ощущаемому в поэзии.

Историю становления разнообразных форм поэтического дискурса, от ритуальных заговоров до сложной герметической поэзии постмодерна, на наш взгляд, представляется возможным рассматривать с точки зрения стремления этих разнообразных форм от постулирования определенного значения к все более усложняющейся знаковой саморепрезентации, изменения характера отношения формы и содержания, где содержание представляет собой некий потенциал, который реализуется в той или иной мере в процессе интерактивного декодирования текста. Более того, поэтический дискурс, который мы берем на себя смелость в контексте работы Ж. Бодрийяра назвать «совращенным», зачастую становится некой дискурсивной репрезентацией процесса смыслопорождения, возникновения всевозможных ассоциаций, путей спонтанного означивания как элемента ориентирования в мире; это дискурс, который вербализирует сложные многообразные способы мировосприятия, его познания и оценки – своим существованием и онтологическими формами этот дискурс ставит проблему самой возможности и потенциала такой вербализации.

Поэтический дискурс онтологически конструирует процесс выстраивания системы смысла, со всеми пустотами энтропии и парадоксами, он переворачивает само понятие глубины, указывая, что Мариинский желоб, возможно, следует искать не в сложных связях означаемых, на уровне содержания, а в самом «шве», том самом месте перехода внешней поверхности ленты Мебиуса во внутреннюю, где запускается механизм кодирования определенными означающими определенных означаемых.

Подобный взгляд на поэтический дискурс требует пересмотра всех возможных подходов к проблеме текстовой интерпретации и серьезной критики герменевтического подхода. В качестве примера можно привести статью Б. Джонсон, которая критикует с позиций деконструктивизма стремление герменевтики к толкованию зафиксированного текстового значения, к тому, что стоит за текстом или в нем самом – стремление объяснить, *что* означает текст, вместо того, *как* он это делает. Она указывает на присутствие в тексте конфликтов значений, неясностей (проблема многозначных слов, несогласованность между тем, о чем текст говорит и тем, что делает, между буквальным и переносным значением, затемненность значения и т. д.). Многозначность, по Б. Джонсон, является не локальной проблемой интерпретации, но возможной характеристикой целого дискурса. В связи с этим, возможно, следует ставить вопрос не о том, *что* означает данный элемент, а *как* он *функционирует* в отношении других элементов [6, S. 82].

«Смысл, – пишет Ж. Бодрийяр, – может рождаться и в простой игре хаоса и случайности... какие-то новые диагонали смысла, новые последовательности могут возникать из беспорядочных токов желания... оно способно порождать логических монстров, и способность эту нельзя недооценивать» [4, с. 241]. Желание как стремление объяснить, рефлексировать – даже там, где полнота понимания, сама возможность его, ставятся под удар стратегией дискурса видимостей, динамичного и неуловимого в своем бесконечном становлении. Необоримое стремление человека создавать в своем представлении наиболее полную картину мира требует от него постоянного вызова этому миру: «...не может быть такого, чтоб за этим ничего не стояло. Я требую богов ответить или вообще перестать быть – такой предупредительный окрик небесам всегда доставляет удовольствие...» [4, с. 247]. Поэтический дискурс, дискурс «свернутый», дискурс соблазна, вовлекает в игру видимостей, предлагает свои коды и смыслы и параллельно – возможность смотреть со стороны, как они существуют и самореализуются – здесь и сейчас.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. URL:<http://philologos.narod.ru/lotman/art/index.htm>.
2. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975. URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>.
3. Барт Р. Воображение знака // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994.
4. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Изд-во «Ad Marginem», 2000.
5. Эко У. Роль читателя. СПб.: Изд-во «Symposium»; М.: Изд-во РГГУ, 2007.
6. Johnson В. Dekonstruktion im Unterricht // Moderne Interpretationstheorien., Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG, 2008.